

Славяноведение, 2025, № 4, с. 109–120

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2025, No. 4, pp. 109–120

DOI: 10.31857/S0869544X25040097, EDN: VABXCE

Оригинальная статья / Original Article

«Ведь если я гореть не буду...»:
поэзия травмы Мехмеда Карахюсеинова

© 2025 г. Н.А. Лунькова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

lunkova_n@mail.ru

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ по проекту 24-28-00403 «Репрезентация и преодоление травматического опыта национального прошлого в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы (последняя треть XX – начало XXI вв.)».

Аннотация. В настоящей статье рассматривается антология поэзии «Боль откровения» болгарского поэта турецкого происхождения Мехмеда Карахюсеинова. Предметом исследования выступают специфика и динамика художественного воплощения травмы в указанной книге. В научный оборот впервые вводится литературное наследие Карахюсеинова. Поэт принадлежит к тем жертвам «возродительного процесса» – политики насильственной болгаризации в 1980-е годы, которые открыто выразили свой протест против вмешательства в сферу идентичности национального меньшинства: в феврале 1985 г. он совершил попытку суицида. В поэтике его стихотворений была выявлена симптоматика посттравматического расстройств, и в статье анализируется ее художественное воплощение. Поэзия была для Карахюсеинова своего рода дневником травматизации, способом фиксации собственных реакций на вмешательство в идентичность и возможностью их осмысления. Через разные аспекты психологического состояния лирического героя – носителя автобиографических черт можно увидеть диалектику травмы писателя: хроническое нервное перевозбуждение, испытываемое лирическим героем, сочетается с навязчивыми мыслями, чувством вины за невозможность повлиять на жестокость властей по отношению к членам турецкого национального меньшинства, интрузивными воспоминаниями и отстраненностью, уходом в себя.

Ключевые слова: литература травмы, болгарская поэзия, идентичность, болгарские турки, «возродительный процесс».

Ссылка для цитирования: Лунькова Н.А. «Ведь если я гореть не буду...»: поэзия травмы Мехмеда Карахюсеинова // *Славяноведение*. 2025. № 4. С. 109–120. DOI: 10.31857/S0869544X25040097, EDN: VABXCE

“If I Don’t Burn...”: Poetry of Trauma by Mehmed Karahüseinov

© 2025. Natalia A. Lunkova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

lunkova_n@mail.ru

The research was conducted with the support of the Russian Science Foundation grant under project 24-28-00403 «Representation and Overcoming of Traumatic Experience of National Pasts in the Literatures of Central and Southeastern Europe (late third of the twentieth – early twenty-first centuries)»

Abstract. This article examines the poetry anthology «The Pain of Revelation» by the Bulgarian poet of Turkish origin Mehmed Karahüseinov. The subject of the study is the specificity and dynamics of the artistic embodiment of trauma in this book. The Karahüseinov’s literary heritage is introduced into scientific circulation for the first time. The poet is one of those victims of the «revival process» – the policy of forced Bulgarianization in the 1980s – who openly expressed their protest against interference in the sphere of identity of a national minority: in February 1985, he attempted a suicide. The symptoms of post-traumatic stress disorder were identified in the poetics of his poems and their artistic embodiment was analyzed. Poetry was a kind of traumatization diary for Karahüseinov, a way of recording his own reactions to interference in identity and an opportunity to understand them. Through various aspects of the psychological state of the lyrical hero – a bearer of autobiographical traits, one can see the dialectic of the writer’s trauma: chronic nervous overexcitement experienced by the lyrical hero is combined with obsessive thoughts, a sense of guilt for the inability to influence the cruelty of the authorities towards members of Turkish national minority, intrusive memories and detachment, withdrawal into himself.

Keywords: literature of trauma, Bulgarian poetry, identity, Bulgarian Turks, «revival process».

For citation: Natalia A. Lunkova. «If I Don’t Burn...»: Poetry of Trauma by Mehmed Karahüseinov // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Science = Slavyanovedenie. 2025. No. 4. P. 109–120. DOI: 10.31857/S0869544X25040097, EDN: VABXCE

В литературе жертв политики насильственной ассимиляции, проводившейся в НРБ в отношении мусульманского населения и получившей название «возродительный процесс», апогей которого пришелся на вторую половину 1980-х годов, нашла отражение как коллективная, так и индивидуальная травма болгарских турок. Репрессивные действия правительства были направлены на создание искусственной моноэтнической модели общества, в связи с чем представители мусульманской общности должны были «возродить» свое болгарское самосознание. Массовая смена арабо-турецких имен на славянские, запрет на ношение национальной одежды, отправление религиозных обрядов, использование турецкого языка – все это представляло собой «вторжение в глубинные, исторически сложившиеся пласты этнопсихологии, внутреннего духовного мира, жизненного уклада, т.е. в те сферы, которые в принципе трудно поддаются разрушающему их внешнему воздействию и регулированию» [Зудинов 1994, 232]. Закономерно, что именно эти стороны принудительной ассимиляции получили наиболее яркое воплощение в художественной литературе жертв «возродительного процесса», представляющей собой, по словам В. Чернокожева, «литературу травматического опыта», «антитоталитарную литературу сопротивления» [Чернокожев 2014].

Настоящая статья продолжает исследование литературы травмы, созданной болгарскими мусульманами, пострадавшими от «возродительного процесса». Ранее в ряде работ уже было уделено внимание общей характеристике поэзии болгарской мусульманской общности 1980-х годов [Луныкова 2021], вопросам взаимосвязи языка и идентичности, нашедшим в ней художественное воплощение [Луныкова 2024]. С опорой на тексты, представленные в антологии «Когда у меня отняли имя. "Возродительный процесс" в 70–80-е гг. XX в. в литературе мусульманских общностей» («Когато ми отнеха името. "Възродителният процес" през 70-те – 80-те години на XX век в литературата на мусульманските общности. София, 2015), было показано, что для этой поэзии характерна мысль об отождествлении способности говорить на родном языке с бытием в мире, язык же для болгарских турок выступает гарантом сохранения национальной идентичности. Поэты – жертвы «возродительного процесса» обращаются к мотивам изгнанничества, переселения, памяти и забвения, утраты имени, родины, создавая художественный нарратив травмы.

Объектом исследования в данной работе является поэзия Мехмеда Хасанова Карахюсеинова, опубликованная в антологии «Боль откровения» (2015). При жизни Карахюсеинова ограниченным тиражом вышли только два его самиздатовских поэтических сборника «Стерня» (1989), «Импровизатор» (1990), а через девять лет после смерти была представлена книга «Не по нотам» (1999). Предметом исследования выступают специфика и динамика художественного воплощения травмы в указанной антологии. Новизна работы состоит в том, что в научный оборот впервые вводится поэтическое наследие Карахюсеинова¹.

Мехмед Хасанов Карахюсеинов (после насильственной смены имени – Методи Асенов Караханов) (1945–1990) – болгарский поэт, переводчик, художник. Он родился в с. Севар Разградской области, учился в Русской гимназии (София), затем изучал русскую филологию в Велико-Тырновском университете, несколько раз безуспешно пытался поступить в Художественную академию (София). Его отец, Хасан Хюсеинов Карахюсеинов, был литератором, общественным деятелем, членом партии и другом Г. Джагарова, одного из идеологов «возродительного процесса». Он разделял политику партии в отношении турецкого населения и во время ассимиляционной кампании добровольно сменил имя на Асена Караханова Севарски. Мехмед Карахюсеинов, напротив, вошел в историю «возродительного процесса» как человек, решившийся на саможжение в знак протеста против насильственной болгаризации. Узнав о предстоящей смене имен, 2 февраля 1985 г. в кв. Люти Дол в районе Витоша, где у семьи Карахюсеиновых был небольшой дом, поэт облил себя бензином и поджег. Историк Георги Михайлов, родственник поэта, считает, что непубличное место было выбрано специально, чтобы не подвергать опасности своих родных, однако не выразить то, что накопилось в душе, у Карахюсеинова уже не хватило сил². Проезжавший мимо водитель такси, увидев сильно обгоревшего поэта, доставил его в софийскую больницу им. Пирогова. Карахюсеинов, получивший ожог 50 процентов поверхности тела, провел в коме порядка двадцати дней, в это же время, по свидетельству жены поэта, при содействии свекра их имена были заменены на славянские [Кръстев 2015]. В течение последних пяти лет жизни он перенес ряд пластических операций, а также торакальную: его легкие были сильно повреждены из-за случившегося. В 1990 г. Карахюсеинов умер от рака легких, не дожив два месяца до рождения сына.

¹ Все переводы на русский язык (художественный и подстрочник) сделаны автором статьи.

² Николова 2015.

Социальный и биографический контекст, помогающий понять природу травмы, полученной писателем, дает основание предположить, что причинами его серьезного эмоционального стресса были длительное наличие угрозы, посягательств на свободу и права личности, «лечение» от собственной идентичности (отказ от имени, данного при рождении, и т.д.), что в конечном счете привело к суицидальным мыслям и попытке самоубийства. Джудит Герман (чья работа «Травма и исцеление. Последствия насилия от абьюза до политического террора» послужила теоретической основой настоящей статьи), комментируя травматический опыт Хакобо Тимермана, аргентинского политического диссидента, отмечает существенное отличие суицида от потери воли к жизни: «Позиция суицида активна, она сохраняет внутреннее чувство контроля» [Герман 2022, 114]. Мысли находившегося в заключении Тимермана о самоубийстве не противоречат желанию выжить как таковому, так как «желание убить себя в этих экстремальных обстоятельствах» — это «признак сопротивления и гордости» [Герман 2022, 114]. Протест Карахюсеинова тоже можно расценивать как акт неповиновения, «нечто, способное посоперничать с творящимся вокруг насилием» (цит по: [Герман 2022, 114]). Это подтверждает и точка зрения известного болгарского поэта К. Павлова, который в предисловии к книге Карахюсеинова комментирует его поступок следующим образом: «Его самоубийство я воспринимаю как самую благородную форму инстинкта самосохранения — ты уничтожаешь тело, чтобы спасти душу. Я никому не пожелаю такого спасения, но преклоняюсь перед его мужеством. Он сделал это тихо, без геройства. В это время фальшивых героев и показных жестов он доказал нам, что человеческое достоинство выше, чем расчетливая смелость»³.

Для исследования художественного воплощения разных аспектов травмы «возрождающего процесса», вмешательства в структуры как я-идентичности, так и мы-идентичности, было отобрано 84 стихотворения, написанных Карахюсеиновым в период с 1980 г. по 1990 г. и тем или иным образом связанных с повторяющимися, свидетельствующими о травматизации сознания лирического героя мотивами (борьба, горение, одиночество, смерть, бессилие, бессоннице, вина, стыд, оцепенение, нехватка дыхания и др.) и рядом устойчивых образов, в частности образов огня, болота и т.д., с целью доказать, что его поэзия содержит типичные черты нарративов «выживших», людей, страдающих от посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Если исходить из предпосылки, что между литератором, который пережил травму и затем облекает ее в художественные формы, и пациентом, повествующим о произошедших с ним травматических событиях, есть параллели [Клайн 2017], то взгляд на поэзию Карахюсеинова с такой точки зрения представляется оправданным. Л. Клайн, изучая в этом русле «Колымские рассказы» В. Шаламова, обращает внимание на то, что «само решение передать собственный опыт в художественной прозе может быть обусловлено травмой, поскольку технические и эстетические требования, которые налагает литература, служат неким барьером между автором и трагическим материалом» [Клайн 2017].

В своем творчестве 1980-х годов Карахюсеинов запечатлевает еще не обработанную травму «возрождающего процесса», поэзия становится для него своего рода дневником травматизации, фиксацией собственных реакций на вмешательство в идентичность, помогает увидеть разные аспекты психологического состояния лирического героя — носителя автобиографических черт. С опорой на указанную ранее работу Дж. Герман была изучена динамика проявления последствий травматизации сознания, которая нашла художественное

³ Карахюсеинов, 10.

воплощение в поэзии Карахюсеинова. Согласно Герман, симптомы образуют три группы: 1) перевозбуждение (постоянное ожидание опасности); 2) интрузия (повторение травмирующих эпизодов, воспоминания о травме); 3) избегание (снижение чувствительности, отстраненность, «реакция психического онемения и капитуляции» [Герман 2022, 55]). Характерной чертой посттравматического синдрома является «диалектика противоположных психологических состояний» [Там же, 69], травмированный человек «оказывается между двумя крайностями: амнезией и переживанием травмы заново; между наводнением сильных чувств и состоянием полной нечувствительности; между раздражительным импульсивным действием и полным его подавлением» [Там же, 70]. Артикуляция же травмы становится необходимой, поскольку имеет терапевтическую функцию и, «даже если не приводит к излечению», все равно «способствует переходу от некритического проигрывания, когда прошлое воспроизводится неконтролируемо, оживает и возвращается, словно призрак, — к рефлексивной проработке, своего рода дифференциации времени, осознанию дистанции между прошлым и настоящим» [Адельгейм 2018, 12].

Поэзия Карахюсеинова 1960–1970-х годов — это в первую очередь любовная и философская лирика. Уже в раннем стихотворении «Человек» (1966) им было сформулировано понимание специфики собственной идентичности: борьба противоположностей, сосуществование в душе лирического героя жалости и злобы, глупости и ума дает ему возможность прийти к выводу, что он «просто человек. И слава богу...»⁴. Для художественного мира поэта в целом имеют значение не религиозные, национальные, а аксиологические координаты. Прекрасно владевший болгарским языком Карахюсеинов был настоящим человеком искусства⁵, и высшей ценностью он признавал не национальную, партийную или какую-то иную принадлежность, а человека как такового, его права и свободы⁶. В отличие от многих других болгарских писателей турецкого происхождения (С. Байрамёза, А. Мехмеда, И. Камбероглу, О. Азиза и др.) Карахюсеинов нигде не ставит акцент на своей этнической принадлежности (исключение во всем творчестве — стихотворение «Надежда стонет» (1986): «Шушуканье слышно здесь и там: / «Что это турок-то написал! / Это в пунктах нашего договора не предусмотрено! / Он не хочет молиться в нашем роскошном храме!»⁷), не разделяет людей на своих и чужих с точки зрения национальности или вероисповедания. Примером тому служит стихотворение «За родину» (1980). В нем подчеркнута решимость отдать жизнь за отечество, за «любимую, за нелюбимую / за брата и побратима, / за чужих родителей старых»:

Я не жажду воскресения,
не ищу Голгофу.
Я готов погибнуть
за эту родину —
жизнь⁸.

⁴ Там же, 49.

⁵ Николова 2024.

⁶ Изучая «альтернативный канон» болгарской поэзии периода 1960–1990-х годов, Пламен Дойнов обращает внимание на то, что в этих текстах «вместо героического человека социализма в центре находится маленький, несовершенный человек [...] социалистический гуманизм был подорван надклассовым, всеобщим гуманизмом, полностью отрицающим насилие, отстаивающим неприкосновенность человеческого» [Дойнов 2012, 23].

⁷ Карахюсеинов, 86.

⁸ Там же, 80.

В лирике этого периода нет ощущения безысходности, призывов к борьбе, но есть попытки осмысления своего места в мире, переживание разлуки и ожидание встречи с возлюбленной. Однако начиная с 1982 г. устойчивым психологическим состоянием лирического героя становится тревога, ощущение постоянной опасности, он страдает от бессонницы («Я проснулся / Сна ни в одном глазу. / Лиловая ночь безмолвна за окном / Сердце мое прислушивается к вам... [...] Что случилось?!»⁹; «Всю ночь не спокойно — / Бушевал южный ветер... / У меня кружится голова, / бешено колотится сердце»¹⁰; «От бессонницы у меня уже нервный тик / Ночь открывает свои шлюзы»¹¹). «И вливают в наш сок / заразу обмана / и начинаются целенаправленно укоры, / оправдания, замалчивание... / И тают безвозвратно ненужные откровения», — так лирический герой описывает происходящее перемены, царящее вокруг разобщение людей («Нас разделяет страх, / вот мое слово!»¹²). Возникает образ «зловещей гусеницы», пожирающей молодые побеги, еще не успевшие расцвести бутоны. Чтобы не «отравил обман», «не коснулась злоба» и чтобы «прощать какие-то компромиссы в бою», лирический герой, охваченный жаром, просит «кусочек льда» вместо подушки, и «дождь, иль град, иль снег»¹³ в качестве одеяла. Эти примеры свидетельствуют о явном перевозбуждении, и такова реакция поэта на начавшуюся травматизацию мы-идентичности, пробудившую в нем чувство постоянного беспокойства: именно в начале 1980-х годов болгарское правительство усилило политическое давление на представителей национальных меньшинств. «Насильственная смена имен турок осуществлялась в ходе масштабной и стремительной кампании, которой предшествовала тщательная подготовка, — пишет Е.Л. Валева. — Прелюдией к тотальной смене традиционных имен можно считать “восстановление” имен болгар, рожденных в смешанных браках; детей, рожденных в таких браках, с 1982 г. следовало регистрировать только под болгарскими именами» [Валева 2013, 295]. Исследовательница характеризует атмосферу этого времени как «общий климат недоверия, тревожных слухов и опасений» [Там же, 295].

Судя по изменениям в мотивной структуре поэзии Карахюсеинова, он остро реагирует на гнетущую атмосферу, предшествующую массовой акции по смене имен, и случайно в 1983 г. появляется несколько стихотворений с лейтмотивом смерти («Смерть уже так зрима / сквозь несколько банальных стихов / сквозь несколько / речитативов...»¹⁴; «Деревья, / застывшие в мертвенном спазме, / не колышутся»¹⁵ и др.), лирический герой чувствует бессилие, нехватку дыхания («...я слаб, я слаб. / У меня нет слов, нет красок, / меня не слушаются струны»¹⁶). В этот же период он пишет знаковое стихотворение «Винный» (1983), где лирический герой испытывает чувство вины не за конкретное, совершенное им самим действие, а за несправедливость по отношению к другим. «Чувство вины, — как отмечает Герман, — бывает особенно обостренным, когда пострадавшие были свидетелями мучений или смерти других людей» [Герман 2022, 77]. Синтаксис каждой строфы, построенной как сложное предложение с несколькими однородными придаточными, в которых

⁹ Там же, 30.

¹⁰ Там же, 65.

¹¹ Там же, 100.

¹² Там же, 99.

¹³ Там же, 102.

¹⁴ Там же, 69.

¹⁵ Там же, 70.

¹⁶ Там же, 68.

перечислены случаи вины героя, а также повтор местоимения «я» в конце второй и третьей строф подчеркивают нарастающее эмоциональное напряжение. Лирический герой корит себя за то, что не смог предотвратить повсеместное нарушение нравственных норм (что априори невозможно). Тем не менее такая вина, убежденность в том, что он несет ответственность за случившееся, выступает и своего рода защитой, противопоставленной чувству беспомощности:

Если кто-то что-то украл,
если кто-то упал,
если кого заковали в оковы,
то я виновен.
Если кто болен,
если где-то кто погибает
или в тиши умирает,
то я, я виновен.
Если кто ненавистью пропитан,
если подлец помазан миром,
если в ком-то нет ни к кому любви,
если живы на земле ханжи,
если мерзавец не остановлен,
то я, я, я виновен!¹⁷

Начиная с 1984 г., накануне насильственной акции по переименованию, в результате которой более 800 тыс. человек были лишены данного при рождении имени, в поэзии Карахюсеинова, помимо уже отмеченного выше состояния перевозбуждения («Шипит агитация. / Мы бежим, бежим, бежим... / Без конца и начала. / В наших глазах — гнев и усталость, / на душе — клятва и разлука, / раскаленные до бела, / до бела!»¹⁸), можно обнаружить желание и необходимость борьбы («Самоубийственно живем. / Нам больно, но мы делаем шаг — / мы должны преодолеть / невыносимые мучения, / которые хотят нас раздавить. / [...] сквозь равнодушие и злобу / мы поседем свою любовь»¹⁹). В то же время наблюдается и противоположное, характерное для травмированного сознания желание уединения и изоляции. Лирический герой, обращаясь к своей возлюбленной, признается: «Я закрыл все четыре двери, / посеял доверие, пожал обман. / [...] Я закрылся в четырех стенах»²⁰. Он считает, что принесет ей боль, но лишь возлюбленная способна вернуть его к жизни: «Я погружаюсь в ад — / твои глаза меня спасают. / Из-за меня ты не должна страдать, / а именно для тебя я опасен... / [...] испепели меня и возрождай меня!»²¹. «Не в силах спасти ее от хулы», лирический герой говорит возлюбленной, что «узел дней затягивается»²², и уже в написанном в январе 1985 г., незадолго до попытки самоубийства, стихотворении «Прощай» звучат мотивы расставания и благодарности: «Прощай, любовь! / Ты сделала все, что смогла»²³.

О подавленном состоянии Карахюсеинова, ощущении надвигающейся катастрофы накануне случившегося 2-го февраля свидетельствуют слова его дочери

¹⁷ Там же, 103.

¹⁸ Там же, 105.

¹⁹ Там же, 104.

²⁰ Там же, 35.

²¹ Там же, 36.

²² Там же, 37.

²³ Там же, 38.

Севары: «Я помню еще кое-что — ту песню Высоцкого про коней, которые несутся к пропасти. Незадолго до самоподжога он постоянно слушал ее на граммофоне. Меня пробирает дрожь, когда я вспоминаю и портрет Назыма Хикмета, висевший в комнате. На этом портрете его лицо было объято огнем, и он горел. Я умирала от страха. И сейчас мне страшно. Это, с этим портретом, не было случайностью» [Кръстев 2015]. Д. Атанасов полагает, что в целом влияние Высоцкого, такого же «искренного, прямого, рискнувшего быть демократом в таких условиях, когда инакомыслие было страшно в экзистенциальном смысле» [Атанасов 2024], на поэтику произведений Карахюсеинова было ощутимым. Неслучайно и написанное по случаю его смерти стихотворение «О трубадурах» (1980), где есть знаковый для Карахюсеинова образ свободного творца:

Памяти В. Высоцкого

Уходят мужчины с гитарами,
в шторм ныряльщики —
за целую жизнь до старости...
С гневными, нежными аккордами,
с недопетыми куплетами,
с песнями страстными, невеселыми,
не носившие ничей намордник,
влюбленные, изумленные...
И в последний раз тронувшие струны,
в первый раз обогнавшие,
укротившие ураганы,
уходят в авангарде,
обнимая свои гитары,
самые чудные, себя отдающие,
безрассудные...

Уходят от нас трубадуры²⁴.

По воспоминаниям родных, над письменным столом Карахюсеинова висело несколько цитат: одна из них была из стихотворения «Как Керем» Н. Хикмета, турецкого писателя-коммуниста, который, как известно, подвергся репрессиям за свои политические убеждения. В словах Хикмета был близкий мироощущению Карахюсеинова призыв к борьбе и неизбежному самопожертвованию:

Ведь если я гореть не буду,
если ты гореть не будешь,
если мы гореть не будем,
так кто же здесь рассеет тьму?²⁵

Как уже говорилось выше, суицидальное поведение поэта свидетельствует о его сопротивлении тоталитарному режиму, осуществлявшему беспрецедентное вмешательство в жизнь национальных меньшинств. «Его самоубийство, — убежден К. Павлов, — не патология, а крайнее отрицание патологии. Потому что мы жили в системе, где законы физического спасения диктовали отказ не только от имени и рода, но и от собственной личности. Для одних это было приемлемо, для других мучительно, а для третьих...»²⁶. Именно желание

²⁴ Там же, 79.

²⁵ Хикмет, 75. Пер. Л. Мартынова.

²⁶ Карахюсеинов, 10.

«рассеять тьму» подтолкнуло Карахюсеинова к столь отчаянному поступку, в результате которого он чудом остался жив.

В поэзии Карахюсеинова после попытки суицида можно выделить несколько основных тенденций: 1) чередование интрузивных мыслей и избегания, мотивов борьбы и апатии, стыда, бессилия; 2) ощущение разрыва связей (мотив одиночества), усиление критики власти; 3) мотив смерти становится определяющим в последний период творчества (1989–1990). Самым показательным стихотворением – негативной интрузией, вызванной ПТСР, является стихотворение «Пожар» (1989), где лирический герой вновь восстанавливает в памяти картину произошедшего, а также в финале домысливает картину собственных похорон, обращаясь с просьбой положить на его могилу белую розу, что можно рассматривать как десенсибилизацию, преодоление страха смерти:

Горит в груди моей! Горю, горю...
И это не во сне, а наяву.
Как дерево, расколотое молнией
в лесу родном, в огне
я погибаю.
Горит в груди моей!
Горю, горю...
Горят остатки моего терпенья.
Поток прозрачный правду обнажает,
А в мутной только сети расставляют.
Горит в груди моей! Вода горит.
Горят и демагоги-виртуозы.
Не умирает за свободу крик!
И на моей могиле
Пусть белеет роза²⁷.

Состояние отчуждения («Тревога гнездится в нас, / потому что мы прокляты / не быть похожими, / ни на кого не быть похожими...»²⁸; «Одиночество царит и в трамвае – / никто никого не знает»²⁹) не исключает того, что лирический герой призывает построить «мир без кланов и каст», «не позволив тоске»³⁰ заставить молчать, отказаться от своей мечты. Он убежден, что рождающееся «в утробе ночи» солнце призвано не ослеплять его, а позволять ему видеть³¹. Чувство отстраненности, апатии приводит к изменению ощущения времени и пространства («Уменьшилось, уменьшилось пространство / до расстояния одной руки. / Я стою на грани пьянства, / на грани смерти»³²), лирический герой сравнивает себя с комнатным цветком, так как ограничен локусом квартиры из-за серьезных проблем со здоровьем («Напал снег, а я стою на балконе как умолкнувшая песня / [...] Красивая зима, а я не могу дышать»³³). Диалектика травмы свидетельствует о том, что, с одной стороны, лирический герой, видя поблекший триколор, стыдится того, что «долгие годы властвует позор»³⁴, сравнивает жизнь с болотом³⁵ и не знает, будет ли в конечном счете

²⁷ Там же, 145.

²⁸ Там же, 134.

²⁹ Там же, 74.

³⁰ Там же, 92.

³¹ Там же, 93.

³² Там же, 117.

³³ Там же, 116.

³⁴ Там же, 136.

³⁵ Там же, 135.

свет, а с другой — исполнен оптимизма и верит, что пройдет «кошмарная ночь» и что они снова «с побратимами будут делить хлеб и воду»³⁶. Все эти примеры доказывают, что «ужас травмирующего события усиливает потребность в защищающих привязанностях. Поэтому человек с травмирующим опытом часто чередует самоизоляцию и тревожное цепляние за других» [Герман 2022, 80]. Внимание к мотиву смерти продиктовано в числе прочего разрывом человеческих связей, мыслями о том, что травмированному нет места среди живых, его место среди мертвых:

Хорошие уходят незаметно,
без шестив траурных,
без длинных монологов...

Хорошие уходят незаметно —
Об имени не беспокоясь.
Они глоток воды,
когда устали мы;
хлеба корка,
когда умираем от голода...
Они холод руки
на больные лбы,
они тепло души,
когда мы объаты холодом...

Хорошие уходят незаметно —
тихо,
чтоб нас не тревожить,
но долго после смерти их
нас совесть гложет³⁷.

К. Павлов назвал стихотворения Карахюсеинова «порождением агонии, продолжавшейся несколько лет»³⁸, они стали нарративом отверженного, испытывавшего травму как я-идентичности, так и мы-идентичности, пострадавшего и психологически, и физически. Важно подчеркнуть, что негативные симптомы посттравматического расстройства, выявленные в анализируемых стихотворениях, не являются чертами характера самого литератора. Алина Караханова вспоминает своего дядю как большого шутника, который много смеялся и с которым можно было говорить обо всем на свете. По ее словам, «у него был потенциал, он мог достичь гораздо большего»³⁹. Последнее же опубликованное в антологии стихотворение датировано 1 января 1990 г. и, хоть и называется «Тревога», фиксирует в последней строфе уже не беспокойство, а крайнюю степень безнадежности и отчаяния травмированного человека, которому не дали воплотить свои мечты в жизнь:

Сейчас я все, в чем не нуждаюсь,
Я затихаю, как старый рефрен.
То, что я испытал, была чужая
Любовь, самозабвение и тлен⁴⁰.

³⁶ Там же, 137.

³⁷ Там же, 140.

³⁸ Там же, 10.

³⁹ Николова 2024.

⁴⁰ Карахюсеинов, 149.

Изучение поэтики «Боли откровения» дает возможность проследить динамику симптомов ПТСР, нашедших художественное воплощение в поэзии Карахюсеинова, где хроническое нервное перевозбуждение сочетается с навязчивыми мыслями, чувством вины за невозможность повлиять на жестокость по отношению к членам его национального меньшинства, интрузивными воспоминаниями и уходом в себя. Испытанный психологический стресс в ходе «возродительного процесса» привел поэта к суицидальным мыслям, его самоповреждение стало формой протеста против насильственного вмешательства в сферу идентичности, против подчинения тоталитарному контролю со стороны государства. Тем не менее обращает на себя внимание отсутствие в его лирике желания мести на национальной почве, в ней нет противопоставления христианского / мусульманского, болгарского / турецкого миров, характерного для других болгарских поэтов турецкого происхождения. Лирический герой Карахюсеинова – «просто человек», который до конца верен своим принципам, готов бороться с несправедливостью ради мира и любви, но у которого из-за нанесенной ему травмы идентичности не хватает на это сил.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НРБ – Народная Республика Болгария

ПТСР – посттравматическое стрессовое расстройство

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Карахюсеинов М. Болката на откровението. София: Фондация «Мехмед Карахюсеинов – Мето», 2015. 160 с.

Николова Цв. Мехмед Карахюсеинов и «Болката на откровението» // Bnr.bg. 17.11.2015. URL: <https://bnr.bg/ru/post/100626987/mehmed-karahuseinov-i-bolkata-na-otkrovenieto> (дата обращения: 04.03.2025)

Николова Цв. Спомен за Мехмед Карахюсеинов-Мето // Bnr.bg. 14.02.2024. URL: <https://bnr.bg/hrisbottev/post/101949063> (дата обращения: 04.03.2025)

Хикмет Н. Избранное в 2 т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 1: Стихи, поэмы. 525 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адельгейм И.Е. Психология поэтики: аутопсихотерапевтические функции художественного текста (на материале польской прозы 1990–2010-х гг.). М.: Индрик, 2018. 648 с.

Атанасов Д. Портрет на поета Мехмед Карахюсеинов // Dimitaratanassov.wordpress.com. 02.02.2024 URL: <https://dimitaratanassov.wordpress.com/2024/02/02/port-mehmed-karahuseinov> (дата обращения: 04.03.2025)

Валева Е.Л. Государственная политика Болгарии в отношении турецкой этнической общности (1980–е гг.) // Славянский альманах. 2013. М., 2014. С. 292–308.

Герман Дж. Травма и исцеление. Последствия насилия от абьюза до политического террора. М.: Эксмо, 2022. 400 с.

Дойнов Пл. Алтернативният канон: Поетите. София: Нов български университет, 2012. 408 с.

Зудинов Ю.Ф. «Мусульманский фактор» в жизни болгарского общества // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий) / редкол.: В.Н. Виноградов, Т.М. Исламов, Ю.С. Новопашин. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. С. 215–247.

Клайн Л. Правда травмы: «Колымские рассказы» Варлама Шаламова сквозь призму нарративной психологии // Shalamov.ru. 2017. URL: <https://shalamov.ru/research/405/> (дата обращения: 04.03.2025)

Кръстев Цв. Поетът и огънят // Standartnews.com. 13.11.2015. URL: https://www.standartnews.com/kultura/poetat_i_oganyat_-309904.html (дата обращения: 04.03.2025)

Лунькова Н.А. «Мой голос арестовали на улице»: поэзия болгарской мусульманской общности 1980-х гг. // Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс. К 90-летию Галины Яковлевны Ильиной (по материалам III Хоревских чтений) / отв. ред. И.Е. Адельгейм. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 266–281.

- Луныкова Н.А. Язык и идентичность: о языковой политике НРБ и поэзии жертв «возродительного процесса» // Национальная картина мира в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 90-летию В.А. Хорева (по материалам IV Хоревских чтений) / отв. ред. И.Е. Адельгейм. М.: Институт славяноведения РАН, 2024. С. 365–389.
- Чернокозев В. Българската антиотолитарна литература през 60-те – 80-те години на XX век // Дзялото. Год. II. 2014. Бр. 2. URL: <https://www.abcdar.com/docs/magazine/2/Chernokozhev.pdf> (дата обращения: 25.02.2025).

Рукопись поступила в редакцию 31.03.2025

Рукопись принята к печати 15.04.2025

REFERENCES

- Adelgejm I.E. *Psikhologiya poetiki: autopsikhoterapevticheskiye funktsii khudozhestvennogo teksta (na materiale pol'skoiprozy 1990–2010-kh gg.)*. Moscow, Indrik Publ., 2018, 648 p. (In Russ.)
- Atanasov D. Portret na poeta Mehmed Karahuseinov. *Dimitaratanassov.wordpress.com*. 02.02.2024. Available at: <https://dimitaratanassov.wordpress.com/2024/02/02/port-mehmed-karahuseinov> (accessed: 04.03.2025). (In Bulg.)
- Chernokozhev V. Bŭlgarskata antitotalitarna literatura prez 60-te – 80-te godini na XX vek. *Dzialoto*, 2014, vol. 2, no. 2. Available at: <https://www.abcdar.com/docs/magazine/2/Chernokozhev.pdf> (accessed: 25.02.2025). (In Bulg.)
- Dojnov Pl. *Alternativniyat kanon: Poetite*. Sofia, Nov bŭlgarski universitet, 2012, 408 p. (In Bulg.)
- Herman Judith L. (1992). *Trauma and Recovery: The Aftermath of Violence—from Domestic Abuse to Political Terror*. New York, Basic Books, 2015, 326 p. (Russ. Ed.: *German Dzh. Travma i istseleeniye. Posledstviia nasiliia ot ab'iuza do politicheskogo terrora*. Moscow, Eksmo Publ., 2022, 400 p.)
- Kline Laura A. Pravda travmy: «Kolymskije rasskazy» Varlama Shalamova skvoz' prizmu narrativnoi psikhologii. *Shalakov.ru*. 2017. Available at: <https://shalakov.ru/research/405/> (accessed: 04.03.2025). (In Russ.)
- Krastev D. Poetŭt i ogŭniat. *Standartnews.com*. 13.11.2015. Available at: https://www.standartnews.com/kultura/poetat_i_oganyat_-309904.html (accessed: 04.03.2025). (In Bulg.)
- Lunkova N.A. «Moi golos arestovali na ulitse»: poeziia bolgarskoi musul'manskoi obshchnosti 1980-kh gg. *Literatura v sotsiokul'turnom prostranstve sovremennoi Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Jevropy: aksiologicheskii diskurs. K 90-letiiu Galiny Iakovlevny Il'jinoi (po materialam III Khorevskikh chtenii)*, ed. I.E. Adelgejm. Moscow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences Publ., 2021, pp. 266–281. (In Russ.)
- Lunkova N.A. Iazyk i identichnost': o iazykovoii politike NRB i poezii zhertv «vozroditel'nogo protsesssa». *Natsional'naia kartina mira v literaturakh Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Jevropy. K 90-letiiu V.A. Khoreva (po materialam IV Khorevskikh chtenii)*, ed. I.E. Adelgejm. Moscow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences Publ., 2024, pp. 365–389. (In Russ.)
- Valeva E.L. Gosudarstvennaia politika Bolgarii v otnoshenii turetskoi etnicheskoi obshchnosti (1980–je gg.). *Slavianskii al'manakh*, 2013. Moscow, 2014, pp. 292–308. (In Russ.)
- Zudinov Iu.F. «Musul'manskii faktor» v zhizni bolgarskogo obshchestva. *Ochagi trevogi v Vostochnoi Jevrope (Drama national'nykh protivorechii)*, eds. V.N. Vinogradov, T.M. Islamov, Iu.S. Novopashin. Moscow, Institute of Slavic and Balkan Studies, Russian Academy of Sciences Publ., 1994, pp. 215–247. (In Russ.)

Received on 31.03.2025

Accepted on 15.04.2025

Информация об авторе:

Information about the author:

Луныкова Наталья Александровна
младший научный сотрудник
Институт славяноведения Российской
академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9193-3890
E-mail: lunkova_n@mail.ru

Natalia A. Lunkova
Junior Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;
ORCID: 0000-0001-9193-3890
E-mail: lunkova_n@mail.ru